

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО- ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

ТЕМА СВОБОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОТОПРЕСВИТЕРА АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА

© О. Агапов

Свобода – одна из основных тем творчества о. Александра Шмемана – является ключом к основным темам его богословия. Проблема свободы рассматривается Шмеманом как проблема реализации творческого потенциала человека, происходящей в любви и служении людям, жизни со Христом и во Христе.

протоиерей Олег Агапов

кандидат филологических наук, доцент

проректор по учебной работе Самарской Православной Духовной семинарии

заведующий кафедрой теологии Самарской гуманитарной академии

Ключевые слова: свобода, авторитет, Церковь, теология, творчество.

...И познаете Истину,
и Истина сделает вас свободными.
Ин. 8, 32

Служить бы рад – прислуживаться тошно.
А. Грибоедов. «Горе от ума»

...Песня поэта не принуждает, но движет...
Вяч. Иванов. «Переписка из двух углов»

Свобода – безусловно, одна из основных тем творчества протопресвитера Александра Шмемана. Он обращается к ней в статьях и проповедях, в книгах и в своем дневнике. Эта фундаментальная тема Нового Завета органична для о. Александра, он не просто упоминает о ней, не просто цитирует Писание, Отцов, богословов и философов – он напряженно всматривается в нее и делает свои, видно, что выстраданные, выводы. Более того, понимание свободы у прот. Александра может служить ключом к основным темам его богословия.

Проблема свободы в европейской культуре достаточно четко обозначилась уже в XVIII веке, в так называемую «эпоху Про-

О. Агапов

свещения», и с этого времени – только усиливалась. В XX веке эта проблема встала особенно остро. Этому немало поспособствовали политические катастрофы и связанный с ними общеевропейский культурный кризис. Именно из осмысления понятия «свобода» в соотношении с понятием «авторитета» рождается в европейской культуре отрицание – сначала монархической власти, а затем – и Бога: «От времен Сен-Жюста, с его теорией вынужденного цареубийства, через Ницше и Достоевского до Бердяева, Камю, Сартра и приверженцев богословия “смерти Бога” человечеству открывается все та же фундаментальная истина: если свобода как понятие и опыт утверждена и определена через понятие и опыт авторитета, то такая свобода окончательно реализует себя лишь в “убийстве”, в уничтожении самого авторитета»¹.

Известный французский писатель XIX века Виктор Гюго в романе «Человек, который смеется» описывает, в частности, различные людские уродства, которые специально «устроены» на потеху жаждущей развлечения толпы. Руки, ноги, а то и весь ребенок, в зависимости, какое уродство собираются ему придать, помещаются в особые колодки, сосуды и т.п., не дающие развиваться нормально, искажающие, формирующие растущее тело «под себя». Нечто подобное происходит и с душой человека, всю жизнь испытывающего давление окружающего мира. Душа принимает навязываемые ей «уродливые формы». А поскольку жизнь человека определяется его внутренним состоянием, состоянием души-христианки (по известному выражению христианского учителя III века Тертуллиана), то формы, не соответствующие Замыслу Божьему о человеке, принимала вся жизнь, все ее сферы. Из-под тотального воздействия мира, изменившегося после грехопадения и заслонившего собой Бога, человек не мог выбраться сам. Только немногие поэты и пророки прозревали Творца за творением. Пока не пришел Христос. «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17). Христос освободил человека от рабства греху, дал возможность вырасти в меру сынов Божиих по благодати, но этой возможностью, этой свободой еще нужно воспользоваться. Церковь – собрание усыновленных Богом, верных Богу, свободных в Боге людей. Так должно быть: верных и свободных сынов, но... действительность не только Запада христианского мира, но и Востока оказалась ближе к образу Церкви, описанному в «Поэме о великом инквизиторе», которую рассказал Иван Карамазов Алеше в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского. В монологе перед явившимся в Севилье XV века Господом великий инквизитор, заключивший Его в тюрьму, в частности, говорит: «Вместо того, чтобы овладеть людскою свободой, ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека во веки. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за тобою... Вместо твердого древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою, – но

¹ Шмеман А., прот. Свобода в Церкви // Собрание статей. 1947–1983. М., 2009. С. 427–435.

неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и твой образ и твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора?...

Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитет. Ты отверг и то, и другое, и третье и сам подал пример тому»².

Проблеме свободы протопресвитер Александр Шмеман специально посвящает две статьи (прозвучавшие первоначально как доклады): «Свобода в Церкви» (1966 г.) и «Авторитет и свобода в Церкви» (1967 г.). Эти статьи (как и отдельные размышления на тему свободы в дневниках, проповедях и книгах) пишутся как бы на фоне данного, одного из самых ярких в русской (да и мировой) литературе, диалога двух братьев Карамазовых. Богослов «дает ответ» Ивану и отчасти Ф. М. Достоевскому; отчасти, поскольку Федор Михайлович изображает прежде всего «самосознание героя», создавая слово героя так, «...что оно до конца может развить свою внутреннюю логику и самостоятельность как чужое слово, как слово самого героя»³. Ответ состоит в утверждении изначальной ложности противопоставления свободы и авторитета. По мысли Шмемана, это противопоставление родилось на Западе, стало одной из основных «духовных проблем Запада», но, к сожалению, с некоторого времени — господствующим мнением и на православном Востоке.

Разница между католическим и протестантским подходами, считает богослов, в расстановке акцентов, в том, как «сочетаются» свобода и благодать: «...В католицизме ударение стоит на авторитете, и тогда ставится вопрос: сколько свободы сочетается и как с этим авторитетом?...Что касается протестантизма, то тут ударение лежит на свободе, и речь идет, следовательно, об авторитете, с этой свободой совместимом»⁴. То есть подход тут и там принципиально ничем не отличается, разница только в ударении; по мысли о. Александра, «... с самого начала спор между католичеством и протестантизмом касался соотношения авторитета и свободы в Церкви и точного "модуса" воплощения каждого из них...»

Но богослов отмечает ложность подобной формулировки проблемы, в которой «авторитет» и «свобода» соотносятся таким образом, что «...свобода есть всегда свобода по отношению к какому-то авторитету, а авторитет есть всегда граница и предел какой-то свободы. Формулировку эту я считаю ложной, — пишет Шмеман, — ибо она, по существу обесценивает понятие свободы. Я считаю ее также противной подлинному духу Православия, хотя на поверхности нашей церковной жизни и нашей религиозной психологии ее можно считать, увы, восторжествовавшей»⁵. По мысли

² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Л., 2005.

³ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

⁴ Шмеман А., прот. Авторитет и свобода в Церкви // Собр. ст. 1947–1983. М., 2009. С. 436–446.

⁵ Там же.

о. Александра, в Православии восторжествовало «сочетание» свободы и авторитета католического образца: с акцентом на авторитет; чуть дальше в этой же статье мы читаем: «Меня ...поражает тот образ Церкви, который все больше и больше становится единственным ее образом и в котором она до конца и восторженно переживается как именно авторитет»⁶.

Отца Александра «поражает» образ некоей «космической консолидации», в которую почти превратилась жизнь Церкви и которая лишь прикрывается православным бытом, более того, христиане начали любить окружающую их «казенщину», принимать ее как должное, подчинять ей свою свободу: «... Мы начинаем любить эту казенщину, скуку и тоску, этот "иерархический страх", пронизывающий нашу Церковь, и самое ужасное, ...это то, что мы уже почти не ощущаем больше невозможности жить в этой лжи, лукаво и лицемерно покрытой всей "священностью" и "торжественностью" традиционного православного быта»⁷. Без осмысления **такого** состояния дел в Церкви невозможно и возрождение Православия. Беда в том, размышляет о. Александр Шмеман в своих «Дневниках», что внутри Православия утеряно критическое отношение к собственным ошибкам. Так, богослов видит ошибку в оценке причин трагической истории Православия, когда эти причины почти всегда ищутся и находятся вовне (в преследованиях, турецком иге, измене интеллигенции, большевизме и т. д.). Ошибка, требующая глубокого и всестороннего анализа, в так называемом «бабьем благочестии» (видимо, о. Александр опирался на послание апостола Павла, в котором апостол пишет Тимофею: «Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии» (1 Тим. 4, 7), апостол имел в виду многочисленные языческие верования и суеверия, «мифы», передатчицами которых чаще всего выступали именно женщины), современный «православный» вариант «бабьих басен» также предполагает суеверия и, по сути, — обращение назад, к язычеству: «Это "благочестие" и есть то, что вернуло христианству "языческое" измерение, растворило в религиозной чувственности. Оно и Христа мерит собою, делает Его — символом самого себя...»⁸. И в другом месте «Дневников»: «Ошибка в манихейской абсолютизации одной формы, в превращении ее в идола и тем самым в отрицании ее отнесенности к другому»⁹. Форма не имеет самостоятельной ценности без содержания, а содержание христианства — Христос, жизнь с Ним, по Его заповедям, по Его Слову, без этого формальное «благочестие» фальшиво, это — идол, ложный авторитет, который не помогает прийти к Богу, а заслоняет собой Его. Ошибку видит богослов и в «...сдаче Православия — национализму в его худшей языческой (кровной) и якобинской (государственно-авторитарной негативной) сущности»¹⁰. Все эти ошибки выдают себя за Православие, по сути ничего общего с Православием не имея. Все

⁶ Шмеман А., прот. Авторитет и свобода в Церкви.

⁷ Там же. С. 436–446.

⁸ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. М., 2005.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

эти ошибки претендуют на «абсолютную авторитетность», любое, несогласное с ними мнение объявляя ересью. Без осознания их, без «освобождения» от них невозможно возрождение адекватной церковной жизни.

Свои рассуждения о свободе, как я уже говорил выше, прот. Александр выстраивает на фоне диалога Алеши и Ивана Карамазовых, на фоне рассказанной Иваном «Поэмы о великом инквизиторе». Чудо, тайну и авторитет – вот что, по мысли инквизитора, должен был дать Христос людям вместо свободы. Вот что должно, поработив, дать им счастье. Но... – счастье нельзя навязать. Нельзя заставить быть счастливым, заставить испытать радость от жизни, заставить поверить в Бога, употребив власть и влияние (видимо, в этом, прямом, значении употребляю слово «авторитет» – от лат. «auctoritas» – власть, влияние – и Достоевский и Шмеман). Не случайно герои Достоевского, так или иначе обращающиеся к Богу, приходят к Нему не в результате деятельности церковной организации: не епископы, священники и не штатные миссионеры являют им лицо христианина и христианства. Возьмем хрестоматийный пример: Родион Раскольников, пришедший ко Христу благодаря Соне Мармеладовой, пожертвовавшей всем ради ближних, в том числе – и девической честью, но именно она, «желтобилетница», у Достоевского является выразительницей деятельной христианской любви.

В своем описании «генезиса» понимания понятия «свобода» в европейской культуре прот. Александр Шмеман упоминает, в частности, Ницше, Сартра, Камю среди тех, кто пытался как-то свободу осмыслить и выразить свое к ней отношение; но ближе всех к рассуждениям о. Александра о свободе, на мой взгляд, стоят рассуждения другого философа XX века – Габриэля Марселя. Влияние Федора Михайловича Достоевского на мировую культуру XX века было очень велико, ему многим обязаны такие разные писатели и мыслители, как Акутагава и Кнут Гамсун, Томас Манн и Стефан Цвейг, тот же Ницше указывал на Достоевского как на своего учителя психологии; Вяч. Иванов в своей работе «Достоевский и роман-трагедия» пишет о писателе: «Он ... открыл, выявил, облек в форму осуществления – начинавшуюся и еще не осознанную сложность нашу, поставил будущему вопросы, которые до него никто не ставил, и нащептал ответы на еще не понятые вопросы»¹¹. Габриэль Марсель – из тех мыслителей, которые «озаботились» вопросами, вставшими еще перед великим русским писателем, и свой поиск ответов Габриэль Марсель вел, явно зная точку зрения Достоевского, ориентируясь на нее (см., например, фундаментальную работу о французском философе современного русского философа В. П. Визгина «Философия Габриэля Марселя»¹². Видимо, это, как и основное – христианский «тон» мышления, повлияло на схожесть мыслей о свободе священника и богослова и – христианского философа-экзистенциалиста.

¹¹ Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Собр. соч. в 4 т. Т. 4. Брюссель, 1987.

¹² Визгин В. П. Философия Габриэля Марселя: темы и вариации. СПб., 2008.

Протопресвитер Александр, говоря о том, куда может завести человека вековое желание свободы, полной, абсолютной (другой она и не может быть) свободы, при отсутствии веры в Бога, указывает на одного из персонажей Достоевского – Кириллова из романа «Бесы»: «Как вы, конечно, помните, он (Кириллов. – прот. О. А.) кончает самоубийством, чтобы доказать свою абсолютную свободу, ибо смерть и есть для человека самый последний и ненавистный авторитет. Ее неизбежность, ее объективность, ее независимость от меня – все это и есть тот последний авторитет, преодолев и уничтожив который, человек делается свободным как Бог. Тут Достоевский гениально показывает завершение этой диалектики свободы и тем самым вскрывает ее ужас и бессмыслицу»¹³.

Вопрос о самоубийстве поднимают многие яркие мыслители XX века. Альбер Камю, например, провозгласил проблему самоубийства основной проблемой философии («Миф о Сизифе»). Для нас важно решение вопроса. Если Камю, также упоминая в своем эссе Кириллова, приветствует его «свободу» и оправдывает его самоубийство необходимостью указать людям путь к свободе: «... Кириллов должен убить себя из любви к человечеству. Он должен показать своим братьям царственный и трудный путь, на который он вступил первым. Это педагогическое самоубийство»¹⁴; то для о. Александра (на самом деле, – и для Федора Михайловича) самоубийство Кириллова – выявление того, что «радикальная свобода равнозначна смерти»¹⁵. Свобода без Бога оказывается смертью. Интересны на этот счет размышления Габриэля Марселя, который связывает самоубийство, «абсолютное отрицание себя» со свободой, изначально данной как «позитивная сила» и возможность, но «порвавшей» с «бытием»: «Не являются ли наши радикальные способности саморазрушения как бы сменившей знак мерой позитивной силы, которая перестает признавать себя таковой с того момента, когда она порывает с бытием, оспаривает его или проблематизирует?»¹⁶ Вопрос этот для философа риторический, поскольку «бытие» в его системе тождественно «Истине», а значит – Богу. «... Бытие и истина тождественны, но при условии, если при этом... подчеркивается несоизмеримость Истины и конечных истин, доступ к которым нам открывает наука»¹⁷. «Порвать с бытием», не по назначению используя свободу, означает по Марселю «предать самого себя»: «В самой сущности свободы заключена возможность предательства самого себя»¹⁸. Что означает подобное предательство? В «Метафизическом дневнике» (1928–1933 гг.) Мар-

¹³ Шмеман А., прот. Авторитет и свобода в Церкви. С. 436–446.

¹⁴ Камю А. Миф о Сизифе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.koob.ru/philosophy/mif_o_sizife.zip.

¹⁵ Шмеман А., прот. Авторитет и свобода в Церкви. С. 436–446.

¹⁶ Габриэль Марсель. Опыт конкретной философии. М., 2004.

¹⁷ Габриэль Марсель. Моя главная тема // Философия Габриэля Марселя: темы и вариации / В. П. Визгин. СПб., 2008. С. 671–688.

¹⁸ Габриэль Марсель. Метафизический дневник (1928–1933 г.г.) // Быть и иметь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krotov.info/lib/see/13/m/mar_sel_03.htm.

сель пишет о верности бытию, к которой призван человек. Причем верность предполагает «служение», творчество и «диалоговые отношения» с ближним. «Присутствовать» в жизни, т. е. реально жить, можно лишь служа окружающим и окружающему. Бог, пишет Марсель, являет «абсолютное присутствие», т. е. абсолютное служение. Самоубийство связывается философом, в частности, с неспособностью служения: «Существо, абсолютно посвятившее себя другим, не признает себя вправе свободно располагать собой. Самоубийство связано с неспособностью служения»¹⁹.

«Служение», «творчество», «любовь» и «радость» – ключевые понятия в размышлениях прот. Александра о подлинной свободе – свободе во Христе. Отправной точкой «богословия свободы», по мысли о. Александра, «является экклезиология»²⁰. Помимо Достоевского, в статьях о свободе о. Александр цитирует другого русского мыслителя XIX века – А. С. Хомякова, приводя в пример его высказывания по поводу того, что диалектика свободы и авторитета – западного происхождения. Церковь, по мысли Хомякова, которую поддерживает о. Александр Шмеман, «... не авторитет, а Истина»²¹. О. Александр продолжает его мысль и говорит: «Церковь есть свобода»²². Не формальной властью, а явлением Истины должна она вести людей ко спасению. Да, послушание внутри Церкви есть и необходимо, но послушание по примеру Христа, который был послушлив Отцу «... даже до смерти» (Флп. 2:8): «Его послушание выражало не "субординацию", не подчинение свободы авторитету, но всецелое Его единство с Отцом, само Его Божество. Ибо Его послушание не просто свободно (ведь и всякая свобода может подчиниться добровольно), но оно – само выражение, само существо Его свободы. И если Христос – дар Духа Святого, если Христос – Жизнь Церкви, тогда сущность этой жизни – послушание»²³. Конечно, имеется в виду не просто послушание известным заповедям, каноническим определениям, традициям и т. п. (хотя и это все, безусловно, не отменяется, нужно и является необходимой формой, свидетельствующей о соответствующем содержании). Послушание, о котором говорит прот. Александр, – реализация Богом заложенного потенциала, потенциала жизни и творчества и жизни как творчества. Бог – бытие и истина. Абсолютное Бытие и абсолютная Истина. Послушание – реализация замысла Божьего о человеке, призванном к обожению, к приобщению, причастию Истине, Любви, Свободе, – всего того, чем проявляется Бог в мире. Жить можно, только будучи причастником Жизни. Поле для человеческого творчества – точнее, сотворчества Богу – неисчерпаемо – весь мир. Послушание как вхождение в творение сотворцом. Искусство как свидетельство видения –

¹⁹ Там же.

²⁰ Шмеман А., прот. Свобода в Церкви. С. 427–435.

²¹ Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.az.lib.ru/h/homjakov_a_s/text_0090.shtml.

²² Шмеман А., прот. Свобода в Церкви. С. 427 – 435.

²³ Там же.

Что скрыто за ... Мое «прочтение» мира и передача этого прочтения. Творение жизни, ежеминутная, ежесекундная наполненность бытием. И Церковь Христова создается Духом Святым именно как собрание свободно-послушных Богу творческих людей.

В рассуждениях о свободе во Христе о. Александр делает очень важное замечание по поводу слишком часто говорящихся в «церковной ограде» «лукавых слов» о послушании: «Да, послушание есть высшая христианская добродетель – но *послушание Богу!* Церковь существует только для того, чтобы это послушание Богу, которое и есть последняя свобода, внушить и даровать нам... Церковь как "институт" существует, чтобы вовремя "умалиться" и становиться прозрачной для Христа и Духа Святого»²⁴. Вот этой «прозрачности», прежде всего, нам и не хватает. Церковь должна быть «царством свободы и любви, в котором преодолевается эта страшная падающая дихотомия авторитета и свободы»²⁵, но слишком часто свобода заменяется ложным авторитетом, а любовь – страхом. Как с горечью пишет о. Александр: «Неужели мы не чувствуем, как наполнена Церковь страхом, тем страхом, в котором, по слову апостола, нет любви? И тот человек, который должен был бы быть явлен миру как свободный человек, единственный по-настоящему и до конца свободный, единственный, который может сказать: "Все могу в укрепляющем меня Иисусе" (Флп. 4:13), – этот человек оборачивается каким-то напуганным рабом, который боится не только начальства, но и собственной тени и в панике ищет "авторитета"»²⁶.

В чем, где видится богослову выход? Как человек с появлением на свет кричит и криком расправляет легкие для воздуха, и уже не может, с первой минуты своей жизни быть без дыхания, так и Церковь, родившаяся в Пятидесятницу, не может полнокровно жить без «дыхания Святого Духа», без «воздуха» благодати, которая всюду и в полной мере нас окружает. Христианам, говорит о. Александр, «... нужно внутренне освободиться, отделаться в самих себе от страха, от казенщины, от лукавства. Только тогда мы снова поймем и ощутим, что Церковь – это не организация и не авторитет, а тело, напоенное Духом, в котором нам дана потрясающая возможность верить друг другу в свободе»²⁷. Необходимо, пишет Шмеман, восстановить понимание Церкви «как причастия Святого Духа». «Вот Он приходит. И все становится новым. Нет раба и нет свободного. Нет мужского пола, ни женского. Каждому дан дар, и все им напоены. И сама иерархия церковная есть только служение этой Истине и этой свободе, ее сохранение...»

Во многом богослов развивает мысли А. С. Хомякова, который, сказав, что «Церковь не авторитет, ... а Истина», продолжает: «... и в то же время жизнь христианина, внутренняя жизнь его; ибо Бог, Христос, Цер-

²⁴ Шмеман А., прот. Авторитет и свобода в Церкви. С. 436–446.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

ковь живут в нем жизнью ... любви и единства...»²⁸. Любви и единства, а не принуждения и покорности...

Еще более прот. Александр Шмеман является продолжателем идей протопресвитера Николая Афанасьева, в работе которого «Церковь Духа Святого» (посмертное издание 1971 г.) читаем: «В Церкви нет любви без служения, и нет служения без любви. Любовь обхватывает всех а потому и служение принадлежит всем членам Церкви. Каждое служение благодатно, а так как благодать одна, то все служения по своей природе одинаковы, но различны по дарам благодати... Иерархический принцип в Церкви выявляется в иерархии служений, которая вместе с тем есть иерархия любви. Иерархия служений заканчивается служением епископов, которое является самым важным по своему значению в Церкви. Как высшее иерархическое служение оно должно быть высшим образом любви и наиболее полным уподоблением жертвенной любви Христа.

<...> Такого рода власть не создает высших и подчиненных, господ и рабов»²⁹.

Свободу мысли, чувств и творчества протопресвитер Александр Шмеман находит (как мы уже отмечали) в искусстве. «Чем более свободно творчество, тем более приближается оно к абсолютному творчеству»³⁰, — пишет Габриэль Марсель. Свобода творчества, о которой говорит философ, — не фальшивое «жонглирование» смыслами и образами, не доверие страстям и похотям отпавшего от Бога и осуетившегося разума. Свобода — от опосредованности чем-либо, свобода — от стереотипов и клише, господствующих в данное время в данной культуре. Творческий потенциал человека — потенциал любви. Только любя, человек способен творить. Любовью художник и мыслитель прозревают тайны мира, любовью видят и слышат, любовью подвигаются на труд. Если человеком движет тщеславие или гордыня, похоть или (и) сребролюбие, то его творчество бесплодно и бесполезно. Это — паразитирование на божественном даре, по сути — подделка, эрзац. Творческий простор для человека открывается на путях свободного послушания-приобщения Богу. Обожения. Вхождения в Церковь. Но далеко не всегда талантливый художник находится в церковной ограде.

Протопресвитер Александр на страницах своих «Дневников», в беседах на радио «Свобода», посвященных творчеству поэтов и писателей, говорит о том, что настоящее искусство всегда укоренено в свободе, правде и любви. Вот, что мы читаем, например, в беседе, посвященной «религиозному вдохновению русской литературы»: «Пушкинский стих, а с ним

²⁸ Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.az.lib.ru/h/homyakov_a_s/text_0090.shtml.

²⁹ Афанасьев Николай, протопресвитер. Церковь Духа Святого. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.golubinski.ru/ecclesia/ecclesiacont.htm>.

³⁰ Габриэль Марсель. Метафизический дневник (1928–1933 гг.) // Быть и иметь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krotov.info/lib/see/13/m/mar_sel_03.htm.

и вся русская поэзия не только радуют нас. Они снова и снова ставят нас перед выбором ... — выбором, от которого зависит, в каком-то самом последнем смысле, судьба каждого из нас. Выбор этот между идеологией, или, вернее, опытом человека *снизу*, и опытом человека *сверху*; между человеком, чье призвание — подчиниться «законам», выдуманному теми, кто верит лишь в законы зависимости, и человеком, назначение которого — претворить всякий закон в свободу и всякую зависимость в духовный полет. И выбор этот решается на научными или философскими спорами. Он происходит на гораздо большей глубине — там, где человек всматривается в последнюю правду...»³¹.

В заключение подведем некоторые итоги. Рассматривая понятие свободы и соотношение его с понятием авторитета, прот. Александр показывает ложность их противопоставления, основанного на отходе от христианских принципов деятельной любви и служения всех всем. Такая «обезбоженная», «безблагодатная» «свобода», поэтапно отметающая все возможные авторитеты, доводит своих приверженцев до последнего бунта — бунта против смерти, т. е. до самоубийства. Подлинная свобода — свобода во Христе, свобода послушание Богу, обретаемая в любви и служении, в диалоге, предполагающем любовь к другому и понимание чужой свободы. Эта свобода — творчески продуктивна для жизни и культуры. Такая свобода обретается не только в ограде Церкви. Всякое подлинное творчество — проявление свободной души-христианки, тонко чувствующей красоту сотворенного, любящей жизнь и мир и стремящейся его освоить и осмыслить.

The theme of freedom in the works of father Alexander Schmemmann

O. Agapov

Freedom is one of the basic themes in the works of father Alexander Schmemmann. This theme is the key to main ideas of his theology. Problem of freedom is problem of creative life in love and service to the people, life with Christ.

Key words: freedom, authority, church, theology, creative work.

³¹ Шмеман А. Д., протопресвитер. Религиозное вдохновение русской литературы // Беседы на радио «Свобода»: в 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 416–425.